

СЮЖЕТ «ЧЕЛОВЕК СМОТРИТ ВСЛЕД УХОДЯЩЕМУ ЭКИПАЖУ/ ПОЕЗДУ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Мурзова А.А.

г.о. Самара, МБОУ «школа №41 «Гармония», 11 класс

Руководитель: Харченко Е.И., г.о. Самара, «МБОУ школа №41 «Гармония» учитель русского языка и литературы высшей категории

Одной из центральных проблем теории литературы является изучение сюжета как основы литературного произведения.

Актуальность работы. Вопрос о поэтике сюжета и проблемах сюжетологии остается по-прежнему актуальным в настоящее время. Сюжет художественного литературного произведения является исторически изменяющейся категорией поэтики. В своем движении и становлении он обнаруживает смену типов художественного сознания, исследование которых с теоретической точки зрения представляется важной задачей науки.

Новизна исследования заключается в подходе к анализу сюжета как элементу особой композиции произведения, который позволяет проследить развитие характера героев произведения, их мыслей, чувств. Мы рассматриваем особый тип сюжета как основу, в которой происходит развертывание действия художественного произведения. До нас ученые и литературоведы не обращались к исследованию сюжета «человек смотрит за экипажем/поездом», кроме упоминания об этом сюжете в «Словаре сюжетов и мотивов русской литературы» [Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы под ред. Ромодановской 2003: 84]. В некоторых исследованиях о конкретных авторах и текстах есть только косвенные упоминания по интересующей нас теме. Например, о сюжете «человек смотрит за экипажем/поездом» упоминает литературовед Ю.К. Щеглов, анализируя поэтику рассказов А.П. Чехова, в частности один из рассказов писателя «Анна на шее» [Щеглов 2013]. Косвенные упоминания о таком сюжете можно найти в статьях В.А. Кошелева «По всем по трем...» (о стихотворении Ф.Н. Глинки «Тройка») [Кошелев, 1998].

Объектом нашей работы являются лирические и эпические произведения русской литературы XIX века.

Предмет исследования – принципы, средства и приемы построения сюжета «человек смотрит за экипажем/поездом», включенного в тексты произведений русской литературы XIX–XX вв. (А.С. Грибоедова, Ф.Н. Глинки, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермон-

това, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, М.И. Ожегова, Е.Д. Юрьева).

Цель научной работы – выявить особенности функционирования сюжета «человек смотрит за экипажем/поездом» в русской литературе XIX вв.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

Дать определение понятию «сюжет».

1. Провести анализ выделенных фрагментов сюжета и определить их роль в структуре всего произведения.

2. Сгруппировать выделенные сюжеты в зависимости от того, какое значение они выражают в тексте.

3. Выявить особенности сюжета «человек смотрит за экипажем/поездом» в творчестве разных авторов XIX в.

Цели и задачи определили структуру работы, которая состоит из введения, основной части, состоящей из двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Материалом для исследования послужили художественные произведения XIX века, которые объединяет включенный в них сюжет «человек смотрит за экипажем/поездом», в частности, в работе проанализированы произведения русской литературы XIX века: комедия в стихах А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1825), стихотворение Ф.Н. Глинки «Тройка» (1825), повести А.С. Пушкина «Метель» (1830), «Пиковая дама» (1834), роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1837–1840), повесть Н.В. Гоголя «Нос» (1835–1842) и поэма «Мертвые души» (1835–1841), стихотворение Н.А. Некрасова «Тройка» (1846), роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1873–1877), рассказы А.П. Чехова «Анна на шее» (1895), «На подводе» (1897), стихотворение М.И. Ожегова «У церкви стояла карета» (1896), Е.Д. Юрьева «В лунном сиянии» (1903).

Методы исследования. В работе использовались комплексный подход, сочетающий структурный, типологический, сравнительно-исторический, идейно-художественный (концептуальный), культурно-исторический подходы к категории сюжета и литературного произведения в целом,

а также метод сплошной выборки (при обнаружении текста с сюжетом «человек смотрит за экипажем/поездом»), научного описания (для описания фрагментов текста из литературных произведений), метод классификации (при определении содержания сюжета произведений). Методологическую основу нашей работы составляют труды А.Н. Веселовского, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, Н.Д. Тамарченко, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, В.Б. Шкловского, Е.В. Хализева, в которых в той или иной мере затрагиваются вопросы теории и истории сюжета.

Степень изученности проблемы. Категория сюжета является объектом рассмотрения философской и научной мысли уже более двух тысяч лет.

С одной стороны, сюжет литературного произведения можно представить как способ преодоления статичного набора тем, образов, мотивов, построенного на определенных принципах. Он может рассматриваться как «динамическая реализация темы, развертывание темы», поскольку сюжет синтезирует «движение изображаемого объекта и изображающей формы» [Левитан 1990: 66]. Иными словами, акцент переносится на сам процесс сюжетостроения, на установление и развертывание художественной коммуникации автор-произведение-читатель. С другой стороны, в отечественном литературоведении существует сюжетная типология, основанная на событийной стороне сюжета, которую предложил Н.Д. Тамарченко, опираясь на труды М.М. Бахтина, В.Я. Проппа. Данная концепция связывает события становления героя с «историческим становлением самого мира» [Бахтин 1979: 203].

Сегодня сфера изучения сюжета остается по-прежнему актуальной, так как в литературном процессе появляются новые типы сюжетов.

Проблема определения сюжета привлекает внимание таких современных исследователей и литературоведов, как Т.А. Снигирева и А.В. Подчиненов [Снигирева, Подчиненов 2011], И.В. Кузнецов [Кузнецов 2006], А.А. Михалева [Михалева 2006], Н.Т. Рымарь [Рымарь 2006], которые рассматривают понятия «авторского сюжета», структуру сюжета, роль его компонентов в древнерусских текстах.

Например, Т.А. Снигирева и А.В. Подчиненов исследуют сюжет «возвращения» в русской литературе советской эпохи как один из наиболее устойчивых сюжетов мировой культуры, что определяется, как считают ученые, его мифопоэтической природой, а также рассматривают различные модифи-

кации этого сюжета, связанные как с индивидуальной позицией автора, так и с тем типом диалога, который ведется в произведении [Снигирева, Подчиненов 2011].

Н.Т. Рымарь исследует проблему «авторского» сюжета в романе XX века, при этом отмечает, что в сюжете романов XX столетия присутствует ослабление фабулы до определенного мотива, отдельной ситуации, определенного состояния или конфликта, не получающего фабульного развития, или разъединение сюжетных элементов в романе, т.е. изоляция отдельных фрагментов текста, разрыв непосредственных связей между ними [Рымарь 2006].

К исследованию сюжета «человек смотрит за экипажем/поездом» обращались такие литературоведы и ученые, как Ю.К. Щеглов [Щеглов 2013], Н.А. Непомнящих [Непомнящих 2012], Н.В. Константинова [Константинова 2015].

Как отмечает литературовед Ю.К. Щеглов, мотив «пешехода, провожающего глазами или даже пытающегося преследовать экипаж (карьеру, поезд, автомобиль)» широко распространен в литературе и чаще всего выражает две темы:

- обиду, униженность, отвергнутость (та среда или те люди, к которым стремится герой, отталкивают его);
- разрыв, расхождение судеб героя или какого-то близкого ранее ему лица (которое проезжает мимо в экипаже, тогда как герой остается на обочине дороги) [Щеглов 2013: 430].

Ученый делает эти выводы, упоминая такие произведения русской литературы, как «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова («в главе «Максим Максимыч» Печорин проявляет холодность к старому другу и уезжает в коляске»), «Нос» Н.В. Гоголя («майор Ковалев видит свой нос проезжающим в карете»), «Двойник» Ф.М. Достоевского («господин Голядкин видит своего двойника, узурпировавшего его права и привилегии, в карете его превосходительства»). Мы соглашаемся с точкой зрения литературоведа, но считаем, что не всегда анализируемый нами сюжет может выражать только темы, предложенные Ю.К. Щегловым. Помимо темы «обиды, униженности, отвергнутости» и темы «разрыва, расхождения судеб героя» в литературных произведениях могут появляться и даже преобладать другие, прямо противоположные темы и мотивы. Предложенную нами теорию мы будем развивать и доказывать в работе, подтверждая ее литературоведческим анализом классических произведений XIX в.

Рабочим определением сюжета мы выберем определение, данное представите-

лями формальной школы литературоведения (Б.В. Томашевским, В.Б. Шкловским, Ю.Н. Тыняновым и разрабатываемое в последующей научной парадигме такими исследователями, как Ю.М. Лотман, А.П. Квятковский, Е.В. Хализев и др.), в котором, по нашему мнению, наиболее полно выражается суть определения «сюжет», а само понятие представляет собой четкую последовательность событий и сюжетных ситуаций, зависит от мнения автора, языка произведения.

1. Сюжет «человек смотрит за экипажем/поездом» в литературе XIX века

Сюжет «человека, провожающего главами экипаж/карьеру/поезд» широко распространен в произведениях русской классической литературы XIX века. Как мы считаем, он выражает две основные темы:

«Изменение статуса в жизни героев (абсурдная, гротескная ситуация)» реализуется в таких произведениях, как комедия в стихах «Горе от ума» (1825) А.С. Грибоедова, повести «Метель» (1830) и «Пиковая дама» (1834) А.С. Пушкина, повесть «Нос» (1835–1842) и поэма «Мертвые души» (1835–1841) Н.В. Гоголя;

«Мечта героев о счастье» реализуется в сюжете стихотворения Ф.Н. Глинки «Тройка» (1825), романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова (1837–1840), стихотворения «Тройка» (1846) Н.А. Некрасова, романа «Анна Каренина» (1873–1877) Л.Н. Толстого, рассказов А.П. Чехова «Анна на шее» (1895) и «На подводе» (1897), стихотворений М.И. Ожегова «У церкви стояла карета» (1896) и Е.Д. Юрьева «В лунном сиянье» (1903).

1.1. Изменение статуса героев

Уносящаяся вдаль карета/экипаж в произведениях могут быть связаны с тем, что один из героев формально приобретает новый статус [Щеглов 2013: 431]. Так в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1825) финальный монолог Чацкого показывает сильный порыв героя навсегда покинуть Москву («Вон из Москвы! сюда я больше не езду. Бегу, не оглянусь»). Чацкий оскорблен московским обществом, прославившим его безумным («Все гонят! Все кланут!»), осознает свою противоположность фамусовскому миру и порывает с ним. Новое положение героя олицетворяет карета («Карету мне, карету!»), которую просит подать Чацкий, чтобы уехать из «фамусовского» мира лжи, губительного для человека умного и мыслящего.

Таким образом, приезд Чацкого в Москву показал, что все окружение героя ме-

няется, как только он начинает вмешиваться в жизнь Фамусовых. Например, Фамусов приходит в ужас, услышав рассуждения Чацкого о «веке нынешнем и веке минувшем». «Опасный человек!», «он вольность хочет проповедать!» – заявляет Павел Афанасьевич Фамусов. Чацкий понимает, что оставаться в доме Фамусовых невозможно: слишком разные взгляды на мир, общественный строй и будущее у него и остальных членов семьи Фамусовых. Герой надеялся на то, что Москва и люди, живущие в ней, изменились, но ошибся, и теперь становится понятно, что из Москвы надо бежать («Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, Где оскорбленному есть чувству уголок!»). Как отмечает литературовед и критик Ю.Н. Тынянов, в финальном монологе героя «не скоропроходящая размолвка со старою Москвою, не маленькая, местная комедия с местной сюжетной основой» [Тынянов 1969: 347–380], а нечто большее заложено писателем в слова и действия Чацкого.

Похожая ситуация показана в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» (1834). Как отмечает И.В. Силантьев, в повести «активно используется при построении сюжета принцип случайного и не предопределенного сцепления событий, в силу чего они также оказываются вне сферы ожиданий героев и читателя» [Силантьев 1996: 104–106]. Германн, неожиданно узнав о том, что старая графиня знает секрет игры в карты, решает разузнать его у старухи. Следя за домом графини, герой несколько раз видит, как уезжает и приезжает карета с ней и ее воспитанницей. В один из вечеров, ожидая подачи кареты для графини, «Германн трепетал, как тигр, не чувствуя ни ветра, ни снега». Как только послышался дальний стук возвращающейся кареты, герой ощутил сильное волнение. Германн ассоциирует звуки приближающегося экипажа со своим счастливым будущим, в котором старая графиня откроет ему свой секрет игры, и герой станет фантастически богат и известен в обществе. Однако ожидаемое изменение статуса героя – Германн узнает тайну трех карт – оказывается временным. Герой, узнав тайну выигрыша, не следует совету графини и, проиграв все выигранные ранее деньги, сходит с ума («Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!...»»). Германн жестоко наказан за желание стать богатым и обеспеченным. Сюжет, в котором герой смотрит за каретой старой графини, меняет внутренние качества Германна. Как считает Ф.З. Кичатов, при первом знакомстве с ге-

роем повести мы имеем одного Германна, совершенно не похожего на того, который появится, начиная с четвертой главы. В начале повести его жизненным кредо является «расчет, умеренность и трудолюбие» [Кичатов 2005], а в финале герой будет непреодолимо одержим страстью выигрыша.

Возможные изменения в социальном положении героя предстают в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1835—1841) в сюжете разъезжающей по стране брички. Главный герой «покатился в собственном экипаже по бесконечно широким улицам», чтобы показать себя на губернаторском приеме, а позже мы встретимся с Чичиковым, скупающим души крестьян у разных помещиков, для того, что повысить свой социальный статус. Каждый приезд и отъезд героя сопровождается сюжетной ситуацией, в которой другие герои встречают или провожают приехавший к ним экипаж. Например, один из первых помещиков, Манилов, «долго стоит на крыльце, провожая удалявшуюся бричку», а после радуется, что доставил гостью удовольствие. Путешествуя в бричке, Чичиков испытывает разные чувства. Уезжая от Ноздрева, герой «трухнул порядком», поэтому бричка «мчалась во всю пропалую», а герой «покладывал назад со страхом, как бы ожидая, погони» [Гоголь 1951]. А, скупив как можно больше «мертвых душ» и покидая город, Чичиков смотрел с «каким-то неопределенным чувством на дома, стены, забор и улицы» [Гоголь 1951]. Мысли героя были полны размышлениями о своем будущем, боязни погони из города, беспокойством о том, как бы его не узнали знакомые или уже видевшие люди. В финале поэмы повествование прерывается взволнованным лирическим монологом автора, посвященном Родине [Машинский 1982]: «Русь! Куда ж несешься ты? дай ответ», «летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Выдвинутое нами утверждение подтверждают слова самого автора «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, который видя в сюжете поэмы совокупность жизненных событий, писал В.А. Жуковскому: «Какой огромный, какой оригинальный сюжет!.. Вся Русь явится в нем» [Гоголь 1952: 74]. Повествователь следит за мчащейся тройкой, которая олицетворяет всю Россию и ее будущее, показывает всю мощь русского государства.

В следующих произведениях русской литературы мчащаяся карета олицетворяет собой неизвестный мир и ирреальность изображаемого. Ситуация, случившаяся в повести А.С. Пушкина «Метель» (1830), описывает заблудившегося ночью в метели

юношу. Герой на «маленьких санях в одну лошадь» отправляется один на венчание со своей возлюбленной, но в его планы вмешивается непогода. Только утром Владимир понимает, что вместо часа, в дороге он провел всю ночь («Петухи пели и было уже светло, когда достигли они Жадрина»), а в церковь так и не попал. Герой «начинал сильно беспокоиться», «с ужасом увидел, что ... заехал в незнакомый лес». Бушующая метель безжалостно поглощает принадлежавшее герою время и меняет знакомое ему пространство. «Дорога была ему знакома, а езды было двадцать минут», но, как оказалось позже, герой поехал не в ту сторону. Сюжет уезжавшего в ночь на санях Владимира в повести соединяет гротескную, фантастическую ситуацию (потерю времени) и одновременно изменяет жизнь героя навсегда. Владимир не встречает свою возлюбленную, а героиня находит свое счастье через несколько лет с другим. Как заметил В.С. Узин, в повести «действие развивается в результате столкновения нескольких лиц, двух групп по преимуществу. Фабула сложна и запутана» [Узин 1924: 45–46]. Но именно благодаря разбушевавшейся метели будущий муж Марьи Гавриловны Бурмин случайно встречается с нею в деревянной церкви и становится участником церковного брачного обряда. Герой по непонятным даже себе самому причинам решил в самый разгар непогоды отправиться на службу в свой полк («... казалось, кто-то меня так и толкал»), но в дороге ямщик, управляющий тройкой лошадей, потерял ориентир и чудом добрался до первой попавшейся деревни и церкви («Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне»). После церковного обряда герой немедленно покинул церковь («Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: «Пошел!»»). В кибитке Бурмин тут же забыл о совершенном поступке, о том, что обманул бедную девушку, и уснул («В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции...»). Получается, что сюжет, в котором герои едут в кибитке/санах, в этом произведении изменяет линии жизни сразу нескольких героев: Владимира, Марьи Гавриловны и Бурмина, которые по воле случая оказываются втянутыми в мистическую игру метели.

По мнению С.Г. Бочарова, фантастическая «пространственная одаренность» отличала творчество Н.В. Гоголя от творчества других писателей, и метафорический бес-

предел пространственного видения всего на свете мы у него наблюдаем на каждом шагу [Бочаров 1999: 78]. В повести Н.В. Гоголя «Нос» (1835—1842) майор Ковалев, выходя из кондитерской, видит свой нос проезжающим в карете: «выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице». Герой, узнав, что это был его собственный нос, чувствует ужас и изумление, «он едва мог стоять, весь дрожа, как в лихорадке». Вернувшись в карету, нос поехал дальше, а майор «чуть не сошел с ума», побежал за уезжавшей каретой, «которая, к счастью, проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором». Герой удивлен происходящим, поражен и не верит в реальность увиденного. Сюжетная ситуация, связанная с каретой, показывает всю абсурдность разворачиваемой перед Ковалевым ситуации и ее неосуществимость. Автор показывает читателю, что в карете вместо коллежского асессора Ковалева едет его собственный нос, гордый своим социальным положением в обществе («Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага...»). Только при виде такой картины, герой начинает задумываться о том, как он жил, работал, относился к другим людям. Следуя за носом в церковь, Ковалев в очередной раз видит бедных старух, которых он встречал каждый раз при посещении храма и над которыми часто смеялся, но сейчас герой, лишившись носа и имея физический недостаток, стесняется показать свое лицо даже им («Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь»). Ковалев, потеряв нос, оказался на некоторое время на месте тех людей, которых он когда-либо не замечал или считал недостойным своего внимания. В данном случае нос стал знаком высокого социального положения главного героя, важным и недостижимым господином, каким в своей обычной жизни был сам майор.

Описанные нами сюжетные ситуации из произведений А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя обретают метафорическое значение, показывают, как сюжет о карете/бричке поможет читателю проникнуть в неизвестный мир художественного произведения, понять причины, изменившие жизнь героев.

1.2. Мечта героев о счастье

Для классических произведений XIX века характерен сюжет, показывающий образ прямого, устремленного вдаль, чаще всего в светлое будущее героя.

В стихотворении поэта-декабриста Ф.Н. Глинки «Тройка» (1825) «мчится тройка удалая вдоль по дороге столбовой». Ямщик, управляющий тройкой лошадей, поет про несбывшуюся любовь «молодца» с девицей, которую разрушили завистники: «Ах, очи, очи голубые! Вы сокрушили молодца»; «Зачем, о люди, люди злые, Вы их разрознили сердца?». Лирический герой тоже хотел бы влюбиться. «У Глинки, — как отмечает В.А. Кошелев, — поэтический облик тройки существенно расширился: экипаж становится едва ли не живым, мыслящим, «заменявшим» собою едущих в нем седоков; тройкой можно тешиться» [Кошелев 1998: 6]. В тексте стихотворения ямщик является своеобразным «двойником» лирического героя, также ощущающего себя «горьким сиротиной» в далеком немецком городе («Теперь я бедный сиротина!...»), но «лирический герой, в свою очередь, воплощает в себе жизненную ситуацию самого автора, который в это время находился отнюдь не в «немецком городе», а в карельской ссылке» [Ястребова 2012: 455–465].

В романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1837–1840) сюжетную ситуацию, в которой герои смотрят вслед уносящейся коляске или карете, можно рассмотреть с позиций разных героев.

В главе «Максим Максимыч» штабс-капитан провожает уезжавшего Печорина, несколько раз пытается остановить героя, неожиданно для себя даже вскрикивает, хочет сказать что-то важное («— Постой, постой! — закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски, — совсем было забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними делать?...»). Недосказанность в словах Максим Максимыча говорит о том, что герой не хочет потерять Печорина, в котором он видел своего хорошего собеседника и друга. Он привык быть не один, беседовать с Григорием Александровичем вечерами. Печорин же проявляет некоторую холодность к старому другу и уезжает в коляске, говоря «Что делать? .. всякому своя дорога...» [Щеглов 2013: 431], а на вопрос Максим Максимыча о возвращении делает знак рукой, говорящий о ненужности и нежелании возвращения назад («вряд ли! да и зачем?...»), тем самым увеличивается дистанция между двумя персонажами.

Пораженный штабс-капитан горестно глядит вслед уезжавшей коляске, даже когда она была уже далеко, «бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости». Максим Максимыча больно

задевает холодное прощание с Печориным, которого он искренне считал своим приятелем: «Да, — сказал он наконец, стараясь принять равнодушный вид, хотя слеза досады по временам сверкала на его ресницах, — конечно, мы были приятели, — ну, да что приятели в нынешнем веке!.. Что ему во мне? Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пара...». Герой пытается скрыть всю горечь своего разочарования и волнения, тогда «как как глаза его поминутно наполнялись слезами». Несбывшаяся мечта штабс-капитана исчезла также быстро, как скрылась из виду коляска Печорина.

Похожая сюжетная ситуация описана М.Ю. Лермонтовым в главе «Княжна Мэри». Печорин встречает проезжавшую мимо него карету, в которой едет Вера и ее муж. Во взгляде Веры герой увидел упрек. В мыслях Печорина возникает вопрос «зачем она не хочет дать мне случай видиться с нею наедине?». Герой все еще любит Веру после их расставания.

Другой эпизод этой главы соотносится с предыдущей ситуацией. Печорин прочитав записку Веры, в которой та объясняет причины своего отъезда и окончательного расставания с ним, пытается изо всех сил догнать героиню. Печорин «как безумный выскочил на крыльцо», «пустился во весь дух по дороге в Пятигорск», «беспощадно погонял измученного коня». Герой настолько боялся потерять Веру, а вместе с ней и свою мечту о любви, что «скакал, задыхаясь от нетерпенья. Мысль не заставить уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! — одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку... Я молился, проклинал плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!...». В тот момент Вера стала для Печорина самым дорогим человеком на свете, «дороже жизни, чести, счастья». В мыслях героя потеря Веры была равносильна смерти. Печорин так и не смог догнать уехавшую Веру, потеряв ее навсегда. Герой «лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий»; «я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие — исчезли как дым. Душа обессиленна, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся». С отъездом героини жизнь Печорина потеряла всякий смысл, а мечты о совместном счастливым будущем унеслись вместе с каретой, которая увезла Веру из городка.

В произведениях Н.А. Некрасова тема дороги и счастья встречается много раз. В стихотворении «Тройка» (1846) переживания лирической героини связаны с про-

езжающей мимо нее упряжкой лошадей, из которой на нее «подбоченясь красиво, заглядывая проезжий корнет». Юная девушка, разглядевшая в уезжавшем от нее офицере свою мечту о любви, бежит «торопливо за промчавшейся тройкой», но ее счастье остается несбыточным. Уносящаяся тройка лошадей оставляет в сердце девушки «то скливаю тревогу». Автор просит лирическую героиню распрощаться со своими желаниями. Таким образом, в стихотворении «Тройка», как и в романе М.Ю. Лермонтова, заветное желание изначально становится неосуществимым, потому что слишком быстро несется тройка на безоглядной скорости.

В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1873–1877) Левин, идя по большой дороге в деревню, встречает карету, которая движется ему навстречу. Герой не думал о том, «кто это может ехать», и «рассеянно взглянул в карету», в которой «только что проснувшись, сидела молодая девушка, светлая и задумчивая, вся исполненная изящной и сложной внутренней, чуждой Левину жизни». Это была Кити, сразу узнавшая Левина. В момент встречи персонажей «удивленная радость осветила лицо» героини. Кити уезжает в карете, тогда как Левин остается один, «одиноким и чужим всему», на обочине заброшенной дороги. И все, о чем теперь думает герой, что его волнует, связано с только что проехавшей каретой. В душе Левина «совершается таинственная перемена», и герой понимает, что проехавшая мимо него карета навсегда изменила его жизнь: «нет, — сказал он себе, — как ни хороша эта жизнь, простая и трудовая, я не могу вернуться к ней. Я люблю ее». Левин влюбляется в Кити, а встреченный на дороге экипаж вызывает как у героя, так и у героини только радостные чувства и эмоции, что подтверждают слова литературоведа В.И. Сахарова, считавшего, что «Левин, рано потерявший родителей, хочет семейного счастья, душевного покоя, любви, детей» [Сахаров 2002].

Помимо сюжета с каретой в романе есть несколько ситуаций, в которых герои смотрят вслед поезду. Например, в тексте романа Л.Н. Толстого есть указания на то, что муж Анны провожает ее в гости к Облонским. Об этом мы узнаем из разговора графини Вронской со своим сыном, которая между прочим упоминает о Каренине, сопровождавшем жену в вагоне поезда («— Не правда ли, очень мила? — сказала графиня про Каренину. — Ее муж со мною посадил, и я очень рада была.»). Помимо этого в тексте произведения описано прощание Анны и Вронского на станции в Петербурге («Он

[Вронский] остановился у своего вагона, ожидая ее выхода») и ее же встреча с Карениным. На платформе Анну встречает муж, а Алексей Вронский, наблюдая за выходом Анны из вагона и ее встречей с мужем, испытывает чувство счастья («Но она была все та же; и вид ее все так же, физически оживляя, возбуждая и наполняя счастьем его душу, действовал на него.»). Вронский рад еще раз увидеть Анну, наблюдать за ней («... но на одно мгновение при взгляде на него что-то мелькнуло в ее глазах, и, несмотря на то, что огонь этот сейчас же потух, он был счастлив этим мгновением»). Но в этой сцене больше Вронский не смотрит за удалявшейся Карениной. Анна уходит с платформы вместе со своим мужем, который помогает ей сесть в карету («И он [Алексей Александрович], долго сжимая ей руку, с особенной улыбкой посадил ее в карету.»). Следовательно, мы можем сказать о том, что семейная тема в романе поддерживается и в сюжете «человек смотрит за поездом». Каренин сопровождает жену на вокзале, сначала провожая ее к Облонским, а позже встречая и как бы оберегая Анну от какого-либо происшествия на железной дороге. Совсем другая сюжетная ситуация разворачивается в финале романа. Анна едет на вокзал перед самоубийством в карете, и на протяжении всей дороги никто не смотрит на эту коляску, никто не провожает Анну взглядом. Героиня рассуждает о том, что же ей делать, находится наедине со своими мыслями. Таким образом, мы можем подтвердить наше предположение: тема семьи и счастья связана с сюжетом «человек смотрит вслед поезду» тогда, когда кто-то, чаще всего связанный с Карениной семейными узами, наблюдает за ней. А случай, когда никто не смотрит за каретой, в которой едет Анна, заканчивается трагично для самой героини.

В творчестве А.П. Чехова рассказы «Анна на шее» и «На подводе» служат яркой иллюстрацией «плотного» сюжетного повествования, в котором присутствуют продуманные сцепления, а переключки между элементами и мотивами в каждом из рассказов придают целостность всему произведению [Щеглов 2013: 420].

В одной из частей рассказа «Анна на шее» (1895) «На полустанке» (от слов «Пока она вспоминала эти подробности, слышалась вдруг музыка...») до слов «она будет счастлива непременно, несмотря ни на что») виден рассматриваемый нами сюжет. Поезд делает остановку на небольшой станции, и Анна слышит звуки музыки, оставляет мужа в купе и выходит на платформу, в толпу гуляющих дачников, многие

из которых любят ее. Мрачные мысли героини в один миг сменяются душевным подъемом и мечтами о счастье: «У Ани еще блеснули на глазах слезы, но она уже не помнила ни о матери, ни о деньгах, ни о своей свадьбе, а пожимала руки знакомым гимназистам и офицерам, весело смеялась». Музыка, доносящаяся откуда-то из темноты, волнует, манит героиню в неизвестную даль, возбуждает смутные мечты. Садясь в поезд, Анна чувствовала радость от того, что ею любовался Артынов, богач и известный донжуан, присутствующий на перроне. Уезжая со станции, героиня «уже напевала польку» и сидела в купе вагона «с таким чувством, как будто на полустанке ее убедили, что она будет счастлива непременно, несмотря ни на что». Анна забывает все, о чем думала до приезда на станцию: об отце, братьях. Уносящийся вдаль поезд предвещает счастливую жизнь и перемены, которые произойдут с героиней в будущем, а сам движущийся состав можно рассматривать как часть ритуала, вводящего героиню в ее новое состояние [Щеглов 2013: 431].

В рассказе «На подводе» (1897) сюжет движущейся телеги, на которой героиня едет из города после получения жалованья домой, не предвещает, как она думает, ничего особенного. Марье Васильевне, учительнице, казалось, «что на что на всем пути от города до своей школы она знала каждый камень, каждое дерево». Героиня вспоминает свое прошлое и настоящее, размышляет о школьных делах, своих учениках («Марья Васильевна думала всё о школе, о том, какая задача будет на экзамене – трудная или легкая», «и опять она думала о своих учениках, об экзамене, о стороже, об училищном совете»), но когда ей слышится шум проезжающей мимо коляски, мысли внезапно меняются: «хотелось думать о красивых глазах, о любви, о том счастье, какого никогда не будет...». Звук движущейся мимо нее коляски заставляет героиню на несколько минут задуматься не об общественных заботах и каждодневной, рутинной работе, а о себе. Она представляет в своих мечтах, какой бы была женой и хозяйкой.

Подъезжая на телеге к железнодорожному переезду, Марья Васильевна ждала, когда пройдет поезд, и в тот момент ее внимание привлекла дама, стоящая на площадке одного из вагонов первого класса, которая напомнила Марье ее мать («Марья Васильевна взглянула на неё мельком: мать! Какое сходство! У матери были такие же пышные волосы, такой же точно лоб, наклон головы...»). В памяти героини всплыли воспоминания счастливого прошлого в кругу семьи, когда все члены ее семьи были живы.

Она услышала голоса родных, игру рояля, представила себя «молодой, красивой, нарядной, в светлой, тёплой комнате, в кругу родных» и «чувство радости и счастья вдруг охватило её, от восторга она сжала себе виски ладонями и окликнула нежно, с мольбой: – Мама!». Внезапно пронесшийся поезд напомнил Марье Васильевне о счастье, «какого никогда не было» и смотря в ту сторону, в какой скрылся состав поезда, героине «казалось, что и на небе, и всюду в окнах, и на деревьях светится её счастье, её торжество».

Сюжет быстро мчавшейся тройки присутствует в стихотворении русского поэта и автора романсов Е.Д. Юрьева «В лунном сиянии» (1903). Романс «В лунном сиянии» (он же – «Динь-динь-динь» и «Колокольчик») продолжает в русской песенной культуре ямщицкую тематику, начатую романсом «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...» (1825)) Ф.Н. Глинки.

Лирический герой мчится в тройке ночью и при звуках бубенцов вспоминает о любви, своей возлюбленной («Колокольчик звенит, этот звон, этот звук о любви говорит»; «Помнятся встречи, друг мой, с тобою»). Только история взаимоотношений героя и лирической героини заканчивается драматично. Вместе с воспоминаниями о прекрасном чувстве бегущая тройка и звон колокольчиков ассоциируются у лирического героя с грустными моментами жизни. Скорее всего молодым людям пришлось расстаться не по своей воле, а девушке родители выбрали в мужа более подходящую, по их мнению, партию. Лирический герой видит образ любимой девушки, но рядом со своим соперником («Личико милой с белой фатою», «Звон бокалов звучит, с молодою женой мой соперник стоит»). Тем самым мечты и надежды героя разрушены, но образ тройки в данном контексте выражает дорогие сердцу воспоминания и чувства.

Похожая сюжетная ситуация описана в романсе «У церкви стояла карета» (1896). Отметим, что подлинный автор этой песни не известен. Но чаще всего авторство данного текста приписывают поэту-песеннику М.И. Ожегову с пометкой «из народных мотивов». Лирический герой, замечая у церкви стоящую карету, заходит в храм и становится участником свадьбы. Герой видит невесту, которую выдают замуж за нелюбимого («Она на святое распыте смотрела сквозь радугу слез», «Священнику клятвенной речи сказать не хотела она», «Из глаз ее горькие слезы ручьем потекли на лицо»). Не только лирический герой думает, что свадьба не по любви, с ним согласны и гости («Я слышал, в толпе говорили: – Жених

неприглядный такой. Напрасно девицу сгубили!»). Мечты и надежды невесты разбиты. Ей остается только надеяться на хрупкое счастливое будущее с новым мужем.

В рассмотренных нами сюжетных ситуациях, взятых из произведений Ф.Н. Глинки, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Е.Д. Юрьева, М.И. Ожегова у движущегося поезда/экипажа в большинстве случаев нет негативных, отрицательных значений. Для героев уходящее вдаль движущееся средство передвижения становится частью повседневной жизни, возможностью вспомнить о когда-то испытанном счастье, чувстве любви, задуматься о своих тайных мечтах, о будущем, о том, что ждет их впереди. Только в некоторых случаях (несбывшиеся мечты Максим Максимыча, Печорина, лирического героя и героини в стихотворениях «Тройка» Ф.Н. Глинки и Н.А. Некрасова) сюжет «удаляющегося экипажа/кибитки» связан с разочарованиями и переживаниями героев.

Рассмотрев в текстах русской классической литературы XIX века сюжет «человек смотрит за экипажем/поездом», мы можем сделать следующие выводы:

Рассмотренный нами сюжет действительно выражает две основные темы в литературных произведениях того времени: «Изменение статуса героев (абсурдная, гротескная ситуация)» и «Мечта героев о счастье».

В большинстве найденных случаев сюжет движущегося поезда/экипажа/тройки говорит о счастливых мечтах, воспоминаниях героев («Герой нашего времени», «Анна Каренина», одноименные стихотворения «Тройка» Ф.Н. Глинки и Н.А. Некрасова, «Анна на шее», «На подводе», «В лунном сиянии», «У церкви стояла карета») или об изменении социального положения героев («Горе от ума», «Пиковая дама», «Мертвые души»).

В меньшей степени мчавшийся экипаж/карета является выражением некоей абсурдной, гротескной, выдуманной ситуации («Метель», «Нос»).

При рассмотрении финальных лирических отступлений в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» можно констатировать, что в сюжете «человек смотрит за экипажем/поездом» раскрывается образ России, Родины.

Заключение

Сюжет «человек смотрит за экипажем/поездом» становится одним из главных образов русской литературы XIX в.

Сюжет «человек смотрит за экипажем/поездом» в литературе XIX века представляет собой целый комплекс связанных друг

с другим ситуаций, мотивов, имеющих метафорические значения, которые проявляются как в лирических, так и в эпических произведениях. Сюжетное развитие зависит от тех значений, которые важны для конкретного автора, но есть и общие закономерности, возникающие у разных писателей при обращении к этому сюжету.

Так, сюжет, в котором человек смотрит за экипажем/поездом, развивается в классической литературе в двух основных темах. Тема «Изменение статуса в жизни героев (абсурдная, гротескная ситуация)» чаще всего оказывается связана с попаданием персонажа в неизвестный до этого ему мир, с неверием в реальность изображаемых событий. Герой чувствует страх, волнение, беспокойство при виде движущейся брички или экипажа.

В комедии «Горе от ума» (1825) А.С. Грибоедова такой сюжет намекает читателям на новое физическое и социальное положение героя в жизни, появляется лишь в финале произведения.

В произведениях А.С. Пушкина анализируемый нами сюжет встречается сразу в двух творениях автора: в повестях «Метель» (1830) и «Пиковая дама» (1834). В обоих случаях карета через фантастичность изображаемого мира передает ирреальность, некую потустороннюю силу; обещает героям богатство и обеспеченное будущее.

В повести «Нос» (1835–1842) и поэме «Мертвые души» (1835–1841) Н.В. Гоголя присутствуют, как и у А.С. Пушкина, похожие значения, которые несет бричка/карета (неосуществимость и гротескность мира), но в «Мертвых душах» ярким авторским штрихом является изображение сюжета о мчавшейся тройке, которая воплощает в себе образ Родины, родной земли, могущества своей державы.

Вторая тема, возникающая при рассмотрении данного сюжета, связана мечтами героев о счастье и счастливом будущем. Большинство персонажей воспринимают встреченный поезд/экипаж как путь в светлое будущее, оптимистичное движение вперед, к новому, лучшему в жизни человека и общества.

В романе «Анна Каренина» (1873–1877) Л.Н. Толстого сюжет «человек следит за экипажем/поездом» олицетворяет будущую семью, счастье героев, показывает начало их взаимоотношений. Но в то же время, если за проезжающей каретой никто не смотрит, сюжетная ситуация, связанная с ней, заканчивается трагично (пример «путь кареты Анны на вокзал и дальнейшая гибель героини»).

В рассказах «Анна на шее» (1895) и «На подводе» (1897) А.П. Чехова данный сюжет несет перемены в судьбах героинь, ассоциируется с воспоминаниями о родных людях, доме, теплоте домашнего очага.

В похожих по теме и мотивам стихотворениях «У церкви стояла карета» (1896) М.И. Ожегова и «В лунном сиянии» (1903) Е.Д. Юрьева авторы с помощью сюжета о тройке/карете показывают отношения лирических героев, передают драматизм повествования и заставляют читателя задуматься о прошлом.

Некоторые герои, вспоминая о мечте, испытывают душевный разлад, понимая неосуществимость своих задумок, что способствует возникновению внутреннего конфликта в душе персонажей, сюжетное разрешение которого может варьироваться.

Тройки лошадей, созданные Ф.Н. Глинкой и Н.А. Некрасовым, похожи и рассказывают читателям личные истории лирических героев. Проносимые мимо образы показаны поэтами как живые и яркие, выражающие также одинаковые значения: неосуществимость задуманного.

В романе «Герой нашего времени» (1837–1840) М.Ю. Лермонтова сюжет о экипаже появляется несколько раз в структуре повествования при важных моментах в судьбах героев, передает разочарование персонажей, их чувства, и лишь иногда может быть ориентирован на будущее.

Таким образом, сюжет «человек смотрит за экипажем/поездом» выражает разнообразные сюжетные ситуации, которые можно увидеть как в поэтических, так и в эпических произведениях XIX века, и встречается у многих известных авторов. Такой сюжет связывает последовательно между собой события и ситуации, разворачивающиеся в процессе повествования.

Таким образом, рассмотрев целый ряд литературных произведений, мы выявили особенности функционирования сюжета «человек смотрит за экипажем/поездом/автомобилем» в русской литературе XIX века. Поэтому, исходя из проведенного анализа произведений русской литературы, можно констатировать, что сюжет «человек смотрит за уходящим поездом/экипажем/машиной» в широком смысле начинает пониматься в качестве нового способа существования произведения и его развития. А в большинстве случаев такое движение поезда в пространстве текста приобретает метафорическое значение.

Список литературы

1. Глинка Ф.Н. Тройка // Шедевры русского романа (Песни для души) / Ред.-сост. Н.В. Абельмас. – М.: АСТ: «Сталкер», 2004. – 288 с.

2. URL: <http://www.kostyor.ru/poetry/glinka/?n=2> (дата обращения: 14.12.2016).
3. Гоголь Н.В. Мертвые души // Полное собрание сочинений: [в 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Том 6. 1951. – 923 с.
4. Гоголь Н.В. Нос // Гоголь Н.В. Повести // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [в 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Том 3. Повести / ред. Комарович В.Л., 1938. – С. 5–260.
5. Грибоедов А.С. Горе от ума // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 1. РАН; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – СПб.: Изд-во «Нотабене», 1995. – 352 с. – С. 9–122.
6. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Полное собрание сочинений в 4 т. Т. 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1969. – 416 с.
7. Некрасов Н.А. Тройка // Полное собрание сочинений и писем в 15 томах. Т. 1. Стихотворения 1838–1855 гг. – Л.: Наука, 1981. – 719 с.
8. Ожегов М.И. У церкви стояла карета // Новый песенник. Безумная. / Сост. М.И. Ожегов. – Киев: Издание книгопродавца Т.А. Губанова, 1896.
9. URL: <http://a-pesni.org/popular20/ucerkvi.php> (дата обращения: 08.06.2017).
10. Пушкин А.С. Метель // Полное собрание сочинений в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 5. Повести, романы. Государственное издательство художественной литературы. – М., 1960. – 624 с. – С. 63–77.
11. Пушкин А.С. Пиковая дама // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 5. Повести, романы. Государственное издательство художественной литературы. – М., 1960. – 624 с. – С. 233–263.
12. Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 22 т. Т. 8. / под ред. С.А. Макашиной и Л.Д. Опульской. – М.: Правда, 1987. – 496 с. – С. 5–481.
13. Чехов А.П. Анна на шее // Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 9. Рассказы, повести (1894–1897). – М.: Наука, 1977. – 544 с.
14. Чехов А.П. На подводе // Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 9. Повести, рассказы (1894–1897). – М.: Наука, 1977. – 544 с.
15. Юрьев Е.Д. В лунном сиянии // Шедевры русского романа (Песни для души) / Ред.-сост. Н.В. Абельмас. – М.: АСТ: «Сталкер», 2004. – 288 с.
16. <http://www.liveinternet.ru/users/komrik/post332179812> (дата обращения: 14.12.2016).
17. Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма. К исторической типологии романа // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – С. 188–236.
18. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 632 с.
19. Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 2. – М.: Академия, 2004. 368 с.
20. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л.: Худ. литература, 1940. – 649 с. – С. 498–500.
21. Гаспаров М.Л. Снова тучи надо мною. Методика анализа // Избранные труды. Т. II. О стихах. – М., 1997. – 504 с. – С. 9–20.
22. Демин В.П. Бунт подробностей // Сюжет в кино. Вопросы кинодраматургии. – 1965. – № 5. – С. 63, 67.
23. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л.: Наука, 1978. – 424 с. – С. 43–91.
24. Кожин В.В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Кн. 2. – М., 1964.
25. Константинова Н.В. «Железнодорожные сюжеты» в современной прозе (на материале сборника «Красная стрела») // Сюжетология и сюжетография. – 2015. – № 2. – С. 185–193. – С. 187.
26. Кошелев В.А. По всем по трем... (Об истоках поэтического образа тройки) // Кошелев В.А. // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 3–11. С. 6.
27. Краснов Г.В. Мотив в структуре прозаического произведения / Г.В. Краснов // Русская литература XIX века. Вопросы сюжета и композиции: сб. статей / отв. ред. Г. В. Краснов. – Горький: Горьк. гос. ун-т, 1980. – Вып. 9. С. 69–77. С. 71–73.
28. Краснов Г.В. Тип сюжетной ситуации «нежданного гостя» / Г.В. Краснов // Русская литература XIX века. Вопросы сюжета и композиции: сб. статей / отв. ред. Г.В. Краснов. – Горький: Горьк. гос. ун-т, 1985. Вып. 14. – С. 45–61.
29. Левитан Л.С. Сюжет в художественной системе литературного произведения / Л.С. Левитан, Л.М. Цилевич. – Рига: Звайгзне, 1990. – 510 с.
30. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 848 с. – С. 107.
31. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с. – С. 282.
32. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 1994. – 133 с. – С. 14. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).
33. Михалева А.А. Герой-двойник и структура сюжета // Новый филологический вестник. – 2006. – № 2.
34. Непомнящих Н.А. Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике (обзор) // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. – Новосибирск, 2012. – С. 92–105.
35. Николаев А.И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. – Иваново: Листос, 2011. – 255 с.
36. Петровский М.А. Морфология пушкинского «Выстрела» // Проблемы поэтики. – М., 1924.
37. Полежаева Т.В. Сюжет в лирике: целостно-системный подход // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI вв.: Направления и течения. – 2016. – № 3. – 9–27 с. – С. 17.
38. Поспелов Г.Н. Сюжет и ситуация // Вопросы методологии и поэтики: сб. статей. – М., 1983. – 335 с. – С. 174, 175.
39. Рымарь Н.Т. Проблема «авторского» сюжета // Новый филологический вестник. – 2006. – № 2.
40. Сахаров В.И. «Анна Каренина»: борьба любви и нравственности с трагическим исходом // Сахаров В.И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики. – М., 2002. – 215 с.
41. Силантьев И.В. Жанровый смысл сюжета «Пиковой Дамы» А.С. Пушкина // Дискурс. – 1996. – № 2. – С. 104–106.
42. Силантьев И.В. Нарратив и сюжет // Диалог согласия: сборник научных статей к 70-летию В.И. Тюпы / под ред. О.В. Федунинной и Ю.Л. Троицкого. – М.: Intrada, 2015. – 437 с. – С. 98.
43. Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. Сюжет «возвращения» в идеологическом пространстве русской литературы советской эпохи // Вестник ТГГПУ. – 2011. – №2.
44. Суимбетова О.Г. «Живое» и «железное» в лирике С.А. Есенина // Молодой ученый. – 2015. №2. – С. 606–608. – С. 606.
45. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: Учебное пособие. В 2 т. Том 1. – М., Академия, 2004. – 512 с. – С. 190.
46. Томашевский Б.В. Поэтика: краткий курс. – М., 1996. – 334 с. – С. 75–76.
47. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с. – С. 180.
48. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие / вступ. статья Н.Д. Тамарченко; комм. С.М. Бройтман. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с. – С. 176, 181–182, 185.

49. Тынянов Ю.Н. О сюжете и фабуле в кино // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 576 с. – С. 325.
50. Тынянов Ю.Н. Сюжет «Горя от ума» // Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1969. – 424 с. – С. 347–380.
51. Фрейденберг О.М. Система литературного сюжета // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. – М.: Наука, 1988. – С. 216–237.
52. Хализев Е.В. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 240 с. – С. 138.
53. Шкловский В.Б. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля / В.Б. Шкловский // О теории прозы. – М.: Совет. Писатель, 1983. – 267 с. – С. 26–63, 35.
54. Шкловский В.Б. Энергия заблуждения: книга о сюжете / В.Б. Шкловский. – М.: Совет. Писатель, 1981. – 352 с. – С. 16–18.
55. Щеглов Ю.К. Из поэтики Чехова («Анна на шее») // Избранные труды / Сост. А.К. Жолковский, В.А. Щеглова. – М.: РГГУ, 2013. – 956 с. – С. 420, 431.
56. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа: Академия, 1997. – 337 с.
57. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / Под ред. Ромодановской Е.К. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 144 с. – С. 84.